

УДК 349.49

О. И. Баркова

Юридическое агентство «Антикризисный центр», Красноярск, e-mail: Bo1112@ya.ru

Т. В. ПротопоповаЮридический институт, Сибирский федеральный университет, Красноярск,
e-mail: protv1961@mail.ru**Е. А. Мизиренкова**

Сибирский федеральный университет, Красноярск, e-mail: mizir-live123@mail.ru

ПРАВО НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ, БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И БРЕНДИНГ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ. ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Ключевые слова: право на человеческое достоинство; власть, депутаты, архитектурный облик, предмет охраны, культурная самобытность, брендинг, маркетинг места, стратегия развития.

Сравнение основанных в начале XVII столетия, сохранивших свою планировочную и преимущественно деревянную историческую среду сибирских городов: 90 тысячного Канска и полумиллионного Томска интересно в плане осуществления в них прав граждан на достойную среду, человеческое достоинство, национальное культурное достояние. Сравнительно-правовой метод и метод государственно-правового моделирования в культуру охранной деятельности релевантны для поиска оптимальной модели организации в этой сфере. Реальная обеспеченность прав человека в конкретных обществах неразрывно связана с уровнем правосознания, с гражданской зрелостью людей основанной на нравственных представлениях. Развитое чувство собственного достоинства есть переживание личностью собственной ценности и утверждение последней, возможно, вопреки обстоятельствам. Выводы сопровождаются рекомендациями, оценками, предложениями, имеющими практическое значение.

Введение

«Достоинство – важная сторона социальной и моральной свободы личности. Реальная обеспеченность прав человека в конкретных обществах неразрывно связана с уровнем правосознания, с гражданской зрелостью людей основанной на нравственных представлениях о человеческом достоинстве» [3, с. 105].

Развитое чувство собственного достоинства есть переживание личностью собственной ценности и утверждение последней, возможно, вопреки обстоятельствам. Уровень правосознания в обществе складывается из достоинств конкретных людей и является отражением суммы индивидуальных представлений об их личной ценности. В общественном плане рассматриваемый феномен проявляется как совокупность социально-этических качеств. Таких как великодушие, принципиальность, мужество, справедливость, гражданственность, честность, совестливость, добродетельность, отзывчивость, благоразумие, стремление к познанию истины и творческому самовыражению [3, с. 105]. В последние годы

философы и правоведы нашей страны всё чаще берутся за исследование особенностей менталитета, связанных с местом жизни. Всё чаще городскими властями упоминается такая ипостась как имидж. Осуществлено пока не достаточно много диссертационных исследований на предмет городского брендинга, нацеленного на повышение привлекательности территориального имиджа. Описания населённых мест, как нам представляется, незаслуженно много апеллируют к внешней, визуальной стороне города–ландшафту, пейзажам, архитектуре, дизайну его рекламы, высоко- или менее высоко-технологичной или художественно оформленной инфраструктуре

Цель исследования

В юридическом плане достоинство человека выступает как осознание лицом своих прав. Право на достоинство является одним из основополагающих прав человека и гражданина. Гражданам не безразлично где жить и для осуществления ими права на достойное

существование необходимы действия направленные на обретение достойной среды обитания (городской или сельской), а так же развитость представлений о сущности достоинств среды. Кроме людей правом на достоинство обладают государства, и даже отдельные населённые пункты. Связано это с тем, что государства и другие общественные образования состоят из людей.

Антропология города остаётся в стороне от изучения, и, соответственно, совершенствования. Академик Д.С. Лихачев считал, что «если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране» [6].

В соответствии с постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1446, одной из целей федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» является сохранение российской культурной самобытности, один из главных факторов которой – архитектурный облик российского города. В Конвенции ЮНЕСКО 2012 г. о сохранении Всемирного культурного наследия написано: «Повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности представляет собой пагубное обеднение достояния всех народов мира» (<http://whc.unesco.org>, www.un.org).

Материалы и методы исследования

В целях более полного выделения русского расселенческого архетипа для сопоставительного анализа мы решили взять два города Сибири, масштаб которых разный, а тенденции общие – это Канск и Томск. Города, сформировавшиеся до эпохи Просвещения, и сохранившие свою аутентичную планировку и деревянную застройку по сей день. Красноярск подвергся слишком большой унификации. В XVIII в его зарегулировали по «немецкому» квартальному типу, во времена социалистической индустриализации заполнили быстро-

возводимыми индустриальными постройками. Социальность, сложившаяся на основе коллективов промышленных предприятий, сегодня лишена своей основы и переживает кардинальную эрозию. Таким образом, архетипическая русская среда разрушена как архитектурно, так и социально и представлена в краевом центре минимально. Считаем, что в плане архитектуры Красноярск менее познавателен, чем Канск и Томск.

Для того, чтобы город (или село) сделать привлекательным для туристов и инвесторов, нужно совершить определённые действия для поднятия его престижа. Цели действий часто ставятся эфемерные, основанные не на реальных ценностях, а на пиаре на маркетинге, состоящих в том, чтобы обнаружить потребность и удовлетворить её. Однако, есть и люди, культурные потребности которых, прежде чем они будут удовлетворены, предстоит целенаправленно сформировать. Об этом писал В.Е. Новаторов, указывая, что «содержательная и интенсивная культурная жизнь активно (иногда – решающим образом) влияют на формирование и продвижение привлекательного имиджа региона, местности, в том числе – в глазах потенциальных инвесторов» [7, с. 23]. С постсоветских времён архитекторы начали говорить о том, Россия должна опереться на культуру как на рычаг экономических преобразований.

О необходимости возрождения в Канске интересной старинной усадебной застройки с выраженной природоохранной основой, говорят много, часто лишь в контексте туристской привлекательности, но комплексных проектов нет.

Мы утверждаем, что правильнее и релевантнее пробуждать, прежде всего, деятельную любовь в гражданах этих городов, и лишь во вторую очередь – любознательность туристов по отношению к определённым историко-культурным особенностям. «В связи с тем, что культурные символы и традиции, язык, памятные даты и места, песни и т.д. составляют содержание культурной идентичности, самосознания, объединяют людей» [7, с. 22] и консолидируют местные сообщества, более правильным определением объекта исследования должен выступать населённый пункт,

понимаемый не как визуальный объект, географическое место, а как совокупность соответствующих процессов. Поселение – как гипертекст, постоянно достраиваемый социальный конструкт экономический и социальный ресурс, – драйвер развития общества – среды достойного существования местного общества.

Веком, когда нации жили замкнуто и сохраняли архитектурное своеобразие, отражающим архетипические особенности, считается XVII век. С XVIII в. – эпохи Просвещения началась унификация, европеизация, стирание национальных различий. Реорганизация архитектурно-строительного дела в России, начатая реформами Петра I, привела к формированию профессии архитектора в современном ее понимании. В 1757 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан указ об открытии Академии «трёх знатнейших художеств» живописи, архитектуры и скульптуры. Правительство потребовало во всех городах Империи работ по единому плану и строгой отчетности по ним. Обязательно рассматриванию в Санкт-Петербурге подвергались объекты, расположение которых предполагалось «около площадей и главных улицах города».

О Томске

На рубеже XIX и XX столетий в Томске сложилась уникальная ситуация – в период строительного бума (увеличившего число городских строений на 40–50 %), губернский центр превратился буквально в «проходной двор» для архитекторов и инженеров-строителей из Европы (испытывающей к тому времени кризис кадрового перепроизводства). Мастерами высокого стиля были К.К. Лыгин, В.Ф. Оржешко, П.Ф. Федоровский. Инженеры Г.С. Батеньков, П.П. Наранович, А.Д. Крячков ставили и решали технические задачи. С разгулом частного капитала оживилась частная архитектурная практика. Проектированием занялись все, кто имел о нём хоть какое-то представление, умел рисовать и был на практике знаком со строительством, успешно решая вопросы личного обогащения. В архитектуре эпохи «первоначального накопления» наблюдается стилистическая чересполо-

сица и калейдоскопичность, пышность и яркий индивидуализм. Расширилась типология «общественных» построек: появились купеческие и другие «Общественные собрания», синематограф, редакции журналов, газет, типографии. Архитектор и заказчик шли на более крупные расходы по сравнению с казённым государственным строительством (исключение составляли храмы, театры и вокзалы). В частном строительстве использовали более высококачественные материалы, не скупилась и на отделку. Так, купчиха Н.И. Орлова построила доходный дом (арх. К.К. Лыгин), в котором размещались: библиотека, поликлиника, Управление и службы Сибирской железной дороги, железнодорожное собрание, Общественный сибирский банк, типография и редакция газеты, три магазина и пятикомнатная квартира самой Орловой [4]. Из 104 архитекторов, замещавших до революции архитектурные должности в Томске, только 4 были томичами. Поэтому остро стояла проблема поиска стиля. В 1911 г. в томской газете «Сибирская жизнь» выступил художник М.М. Щеглов, отмечая, что литература, музыка и живопись «как-то уже начали брать сюжеты из местной жизни». Прикладному искусству же «почти чужд сибирский характер» и выражал надежды на то, что и здесь будет выработан свой стиль. «Природа Сибири имеет много общего с Севером России. Здание, на котором будут стилизованы олени инородческие орнаменты, ближе к русскому стилю, чем стиль модерн...» – отмечал Щеглов [4].

О Канске

В XVIII в. уездному Канску, так же как и губернскому Томску удалось избежать потери патриархальной русской формы – детинца – центрической, и в перспективе Канск должен был стать опоясанным бульваром. Довольно значительные размеры площадей Канска защищали деревянную застройку от главной опасности – пожаров. Изображение колосьев на Канском гербе соответствует типу «сельского города». Московский тракт проходил по центру города, что до прокладки железнодорожной магистрали особенно ярко отражало лучшие русские традиции гостеприимства

и странноприимства. Властями города искони широко приветствовалась благодетельность, которая отмечалась наградами, почётом, увековечиванием имён. Параллельная тракту улица Гостинодворская (ныне Краснопартизанская) пролегалa вдоль северного фасада гостиного двора – что и дало ей название.

В 1818–1821 гг. графом М.М. Сперанским в Сибири проводилась ревизия, показавшая, что было построено множество зданий и сооружений, содержащихся за государственный счёт. В казённом строительстве Канска применялось типовое (образцовое) проектирование, преобладающее до конца XVIII в. По типовым проектам строились тюрьмы, казармы, станционные и почтовые дома, присутственные места, городские полицейские управления, винокуренные заводы, больницы, богадельни. Канск и Томск имеют несколько сходных епархиальных и гимназических ансамблей. Важным центром притяжения населения стали вокзалы. В 1896 году был построен вокзал Томска (оставшегося в стороне от главного пути). В 1897 году началась эксплуатация железнодорожной линии Красноярск – Канск. Наиболее поздние ансамбли – «винные монополии» – построены в конце XIX в. Это объясняется тем, что «министерство финансов начало осуществлять принятую в 1894 г. программу государственной монополии на производство водки. Повсеместно в империи ввели казённую продажу «питий» и начали строительство специальных промышленных сооружений – государственных винных складов. Руководство работами осуществляло Управление акцизными сборами, которое подыскивало подрядчиков, финансировало и контролировало выполнение заказа» [4, с. 69].

«В 1901 году в государственную казну приобретается в Канске участок земли для устройства казённого винного склада. Участок состоял из двух усадебных мест: первого принадлежащего мещанину Филимонову, мерою в 480 кв. сажен и стоимостью в 960 рублей и второго, принадлежащего городу. Мерою в 4320 кв. сажен и стоимостью в 12960 рублей. В соответствии с проектом предусматривалось построить завод с годовой производительностью

150 000 ведер вина. По масштабам строительство склада-завода было наиболее крупным в дореволюционный период развития Канска. Комплекс завода – уникальный памятник промышленной архитектуры начала XX века» [11, с. 142].

В 1910-х годах после русско-японской компании были построены сходные по стилю «военные городки». Наличие насыщенных влагой слабых грунтов в историческом центре Канска вызывает постепенную деформацию строительных конструкций (пример тому – женская гимназия), что лишает центр Канска перспективы быть застроенным многоэтажными домами. И придаёт ему черты архетипического своеобразия.

Результаты исследования и их обсуждение

Архетип это основа нашей ментальности и, соответственно нашей памяти. А без сохранения имманентного месту *архетипического* консолидированного сообщества невозможны ни экономические, ни политические реформы. Совокупность людей собранных механически, не прикреплённых к месту духовно, сообщество-толпа, каждый из которых хомо экономикус, миссия которого – платить-платить и ещё раз платить. Мировой экономический человек, *идея фикс*. Цель индивидуального или коллективного городского правителя при этом – собрать как можно больше людей, все равно каких, обложить их максимальными поборами и делать на эти поборы нечто минимальное для предотвращения деградации *инфраструктуры* данного населённого места. Более или менее успешно этот процесс осуществляется в городах немецкого и англосаксонского типа культуры. Осуществляется ли российским градостроительством право на достоинство – или оно лишь декларируется, – это реформаторами не отслеживается.

При обсуждении проблем постсоциалистического города часто упоминается такая его ипостась как *имидж*, употребляемая с вящим эпитетом «современный». Парадоксально то, что город *всегда должен быть современен*, и ни что в нём не должно устаревать. Так не бывает. Мы считаем, что постановка этой *сверхзадачи* ведёт к продуцированию

симулякров – цифровизированных образов, не имеющих прообразов. В.В. Миронов о цифровизации среды пишет так. «В реальном мире присутствует богатая каузальная палитра взаимодействий и наступления событий, поэтому его невозможно описать полностью на одном языке как единую систему. Дигитальный мир, напротив, представляет собой заранее просчитанную (формализованную) среду». Заранее просчитать, создать цифровой образ, спрограммировать его и навязать социуму через посредство информационных полей – таков алгоритм создания гармоничного мира. В чём же нестыковка? Нестыковка в формализации и рутинизации жизнеобеспечения.

Формализована идея – реклама «города как места комфортного проживания» подаётся в духе вульгарного материализма. *«Город N – удобное место для осуществления функций массового потребления, с высокотехнологичным жильём, обладающее не противоречащими стандартам биологического выживания параметрами биологической среды. Спешите в город N!»*. Однако, бытие человека не исчерпывается биологическим выживанием и далеко не все предметы, в которых человек нуждается, приобретаются путем покупки в гипермаркете в качестве продуктов и товаров. *О том, как построить среду комфортного воспроизведения всех форм социальности – с положительным демографическим балансом, с минимальным процентом криминальных и патологических явлений – таких проектов будущего города нет совсем, а управление городом сводится к обеспечению населения жизненно важными ресурсами.* В руках чиновников сконцентрировался контроль над всеми ними. А «контроль над ресурсами – один из главных источников достижения политической власти. Чиновники властвуют над людьми, вершат их судьбы, что вряд ли отвечает цели социально ориентированного государства. Социально ориентированным государство может называться в том случае, когда оно обеспечивает социальную защищенность, а государственный служащий вправе называться таковым в силу неукоснительного исполнения им целей и задач государства. В конкретных же случаях, наблюдается иное. Страдающие от дис-

криминации обращаются в правоохранительные органы, зачастую не находя там поддержки, так как не разработаны общие правовые начала» [5].

Г.Л. Харевич, специалист по экономике общественных благ из Белоруссии пишет: «Между поселениями существует контраст по полезности предлагаемых там благ. Получается, что одни индивиды, только из-за места рождения (проживания), имеют возможность обладать благами высокого качества (по сути монопольными)...» то есть проживание в поселениях, где полезность доступной среды более низкая является тормозом развития человеческого капитала. Поэтому, требуется рассмотреть разработку мер по компенсации потерь, которые снижают возможность для жителей того или иного поселения получения равной выгоды» [10]. Авторы данной статьи совершенно с этим согласны.

Огромная территория нашей страны, особенности расселения людей, отдалённость многих регионов и населённых пунктов от центров «большой культуры» не позволяют обеспечить доступ массы потенциальных потребителей к культурным благам [7, с. 72]. Определённая «часть населения огромной России по тем или иным причинам недополучает гарантированных им Конституцией страны культурных благ, не имеет доступа к культурным ценностям, не может заниматься любительским художественным творчеством, не включена в систему соц-культурной деятельности, не может культурно отдыхать, развиваться нравственно и физически». [7, с. 188].

Без вписывания города (и села) в пространство истории страны нет понимания тенденций развития. Для чего мы воспитываем у граждан любовь к своему населённому пункту? «В ближайшие 15 лет России предстоит потерять миллионы жителей, а в полувековой перспективе демографы рисуют нам апокалиптические картины сокращения численности населения вдвое..... Человек становится самым редким и дорогостоящим ресурсом, в том числе и для экономики, за ним придется ухаживать, ему придется потрафлять. Грозящая нам депопуляция «это самый тяжелый вызов» [9].

Учитывая данные риски общественного развития, мы увидели, что не весь круг социальных ценностей, требующих воплощения в юридических правилах, определен. Для формирования системы законодательства в области менеджмента городов необходимо вернуться к использованию метода государственно-правового моделирования исходя из той посылки, что опорными точками архетипического пространства нужно считать Объекты национального культурного наследия, принадлежащие всем людям нынешнего и будущего поколений. «Целесообразна разработка мер по компенсации потерь, снижающих возможности жителей того или иного поселения получения равной выгоды. Осуществления равного права на достойную среду» [5].

Пока власть демонстрирует не органику культуры, а её симулякры – имитацию. Под флагом маркетинга, престижа, имиджа предлагается выставить на продажу всё: народную память, историю страны, героические традиции, народное творчество, самобытную художественную культуру, творческие достижения отечественных мастеров искусств [7, с. 31]. Это, конечно, полный вред. Ибо «неразборчивых менеджеров может подстергать опасность получить деньги на развитие культуры из рук коррупционера или взяточника, а то и руководителя преступной организации» [7, с. 193]. Отечественную культурную традицию от зарубежных аналогов выгодно отличает отношение к культуре как к обусловленной нравственно-интеллектуальными мотивами общественно-целесообразной «деятельности по созданию, освоению, сохранению распространению и дальнейшему развитию ценностей культуры» [7, с. 63].

Немаловажным прецедентом для правоведа является тот факт, что значительная часть Британского музея Лондона состоит из памятников культуры, вывезенных из других стран. Во время господства Великобритании в Индии с территории последней, пользуясь несовершенством её культуроохранного законодательства,

было вывезено значительное количество культурных ценностей. Вследствие колониальной деятельности многие страны потеряли такое количество культурных ценностей, что сейчас уже невозможно воспроизвести их культурную историю [1].

По этой аналогии можно сказать, что Красноярск потерял (и продолжает терять) так много культурных ценностей, что скоро будет невозможно воспроизвести его архитектурно-планировочную историю. Канск и Томск хранят эти культурные следы. Поэтому для красноярцев незаменимы путешествия в эти исторические города для сохранения собственной культурной идентичности.

Мы согласны с Д.С. Дахиным в том, что «наличие или отсутствие грамотного механизма сохранения культурного наследия является лакмусовой бумажкой, демонстрирующей степень развития гражданского общества, а также отражает уровень его экономического и социального развития» [2]. Говоря о принципах брендинга, согласимся с Каримом Рашидом, американским промышленным дизайнером арабского происхождения, предложившим свою позицию брендинга российских городов: «России нужно сфокусироваться на своих жителях, на брэндинге городов, на превращении городов в захватывающие места. Вам нужен глобальный брэндинг и глобально узнаваемые образы» [11].

«В итоге раздумий над взглядами на достоинство человека в отечественной и зарубежной науке можно дать следующие определения. Человеческое достоинство это то, что, превалирует над биологическими инстинктами и отличает человека от иных живых существ, придаёт автономии каждой личности, предоставляет ей свободу духовно-нравственных исканий и творчества, не теряет своей сущности после смерти индивида, выражая абсолютную ценность человека, его неповторимость. Человеческое достоинство как сложное и многогранное явление вырастает из самоуважения личности, нравственного, справедливого отношения к себе,

стремления к снисканию уважения со стороны других, предполагающее безусловную необходимость признания человеческого достоинства других индивидов» [3, с. 105].

Считаем важным рассмотрение разработки мер по компенсации потерь, снижающих такие возможности для жителей того или иного поселения.

Библиографический список

1. Базелюк В.В. Социально-экономические и нормативные факторы установления уголовной ответственности за посягательства на культурные ценности / В.В. Базелюк, О.С. Витвицкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-ekonomicheskie-i-normativnyefactory-ustanovleniya-ugolovnoy-otvestvennosti-za-posyagatelstva-na-kulturnye-tsennosti>.
2. Дахин С.Д. Сохранение материального культурного наследия в полиэтничном регионе: историко-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Дахин Сергей Дмитриевич. – Астрахань, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sokhranenie-materialnogo-kulturnogo-naslediya-v-polietnichnom-regione-istoriko-kulturnyi-ana> (дата обращения 15.05.2018).
3. Дробышевский С.А. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве / С.А. Дробышевский, Т.В. Протопопова. – М.: Проспект, 2016. – 218 с.
4. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). – Томск: Изд-во Томск.гос. архит.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.
5. Мизиренкова Е.А. Социальное управление в контексте путей достижения политической власти // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 11(65). – С. 136–138 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2017/11/11-1-65.pdf>.
6. Лихачёв Д.С. Экология культуры // Памятники отечества. – 1980. – № 2.
7. Новаторов В.Е. Социально-культурный маркетинг: история, теория, технология: учебное пособие. – СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «Планета музыки», 2015. – 384 с.
8. Осадчий А. Карим Рашид. Дизайнер Текущего момента // BusinessLifehack. – 2018. – № 2.
9. Смирнягин Л.В. Трудное будущее российских городов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0307/analit01.php> (дата обращения 14 августа 2017).
10. Харевиц Г.Л. Справедливое градостроительство // Современное строительство и архитектура. – май 2017. – № 2(06).
11. Царёв В.И. Канск. Градостроительная летопись. – Красноярск: Витал. 1996. – 240 с.